

Пальмов Николай Николаевич

**Очерк истории калмыцкого
народа за время его
пребывания в пределах
России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 001
ББК 72
Н63

Н63 **Николай Николаевич П.**
Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России
/ Пальмов Николай Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2026. – 143 с.

ISBN 978-5-521-27160-3

ISBN 978-5-521-27160-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Автор настоящего Очерка, составленного менее чем в трех-месячный срок и, отчасти, вследствие этого далекого от совершенства, предполагает улучшение и пополнение своей работы по мере дальнейшего своего ознакомления с архивными и иными материалами; в частности, для истории Калмыков за XVII век он с нетерпением ожидает выхода в свет исследований профессора Вл. Л. Котвича, которые дадут, вероятно, разъяснение многих загадочных вопросов в этом самом неразработанном периоде калмыцкой истории. Теперь же, автор Очерка считает долгом извиниться пред читателями за неполноту и недостатки своего труда и приносит глубокую благодарность всем лицам, которые в той, или иной мере помогали ему при настоящей работе, особенно — по подбору необходимой печатной литературы, какую возможно было найти в Астрахани и в Калмыцкой степи, и по посыланию документов в Астраханском Калмыцком Архиве, в чем незаменимую услугу оказали: М. М. Хаглышев, Ф. И. Плюнов, Л. К. Карвин и, особенно, А. А. Лебединский.

27 ноября 1921 г.
Астрахань.

Приход Калмыков в Астраханские степи из Джуангарии в XVII веке.

Астраханские калмыки, равно как и Ставропольские, и Донские, и при-Уральские, принадлежат к западной ветви Монгольской народности. Некогда они жили в западной части великой Монголии, в Джуангарии, и с другими сородичами входили в один общий, так называемый Ойратский союз, из которого выделились раньше 1618 года в составе Торгоутского эмирата и частей Дербетского и Хошеутского племен, имея предводителем энергичного вождя Хо-Орлока из Торгоутского племени. Число кибиток, которое повел за собою Хо-Орлок на север, определяется в 50 тысяч. Двигнувшись сначала к пределам Сибири, Хо-Орлок повел туда калмыков из Урал, а затем на Волгу, и расположился кочевьем в степях по-Волжского понизовья, весьма слабо заселенного в XVII веке.

Какая была причина выхода Хо-Орлока с калмыками из Ойратского союза?—Существует несколько объяснений этого важного в жизни монголов события. Некоторые историки видят в поступке Торгоутского предводителя шаг, сделанный им в целях освободиться от разраставшегося влияния тайши Чо-росского племени Хара-Хулы, которое грозило независимости прочим племенам союза.¹⁾ Но оказывается, перекочевка Хо-Орлока с его калмыками совершилась с общего ведома, одобрения и согласия всех Ойратских поколений. И не один только Хо-Орлок выделился тогда из Ойратского союза. Поколение тех Хошеутов, которые не пошли с Торгоутским вождем к северу, двинулось к югу; переправив чрез Тянь-Шаньские горы, оно овладело всем Коконором и раскинуло свои кочевья вплоть до Тибетского нагорья. Другая часть двинулась отсюда

¹⁾ Из новых авторов этого взгляда держится, например, М. Новолетов.—, Калмыки. Исторический очерк. СПб. 1884", стр. 2.

к востоку, переправилась на Эдзину и разложилась по всей Алашании^{а)}. Таким образом, говорить о каком то разрыве Хо-Орлока с Хара-Хулой, из-за опасения подчиниться власти Чо-росского тайши, не приходится. Движение Хо-Орлока совершалось довольно медленно, с продолжительными остановками в пути. Осторожный вождь, прежде чем пустаться в дальнейший путь, посылал вперед разведчиков и на основании их показаний старался идти с возможно меньшим риском натолкнуться на опасного врага. Начав свой путь к северу от Джунгарии в 1618 году, Хо-Орлок пришел на Волгу только в 1630, а может быть даже в 1632 году.

Другие видят в движении Хо-Орлока, как и в движении главной части Хошеутского племени, осуществление выработанного на Ойратском сейме плана завоевания новых земель Ойратами и восстановления империи Чингиз-Хана^{б)}. Однако, ни у монгольских историков, ни в народной памяти не сохранилось никаких сведений, или воспоминаний об этом сейме. Он лишь предполагается, и ничем нельзя доказать его действительности^{в)}. Из наличных исторических материалов, напротив, ясно видно, что инициатива похода исходила от самих Торгоутского и Хошеутского вождей, которые заручились общим согласием на откошелку в разные места и на первых порах совсем не задавались целями завоеваний.

Наиболее правильным надо признать то объяснение, по которому движение Хо-Орлока и прочих Ойратских вождей рассматривается как результат естественного стремления кочевых племен обособиться друг от друга, вследствие скученности населения в одном месте и возникающего отсюда притеснения, в желательных размерах, главным промыслом кочевников-скотоводством. Ограниченность земель, удобных для скотоводства, в связи с увеличением скота, поминуемо должно было вести к столкновениям, взаимным раздорам и обидам у кочевников, доводя их даже до кровопролития. На эти то раздоры и кровопролития, как на истинную причину

а) Проф. А. М. Позднеев — «Астраханские Калмыки и их отношение к России до начала нынешнего (XIX) столетия» в «Журнале Министерства Народного Просвещения» за 1886 год, март, стр. 144.

б) Монах Иакинф Бичурин — «Историческое обозрение Ойратов Калмыков» в «Журнале Мин. Внутр. Дел» за 1833 год, №№ 5, 7 и 8.

в) Проф. арх. Гурий — «Очерки по истории распространения христианства среди Монгольских племен» — т. ч. 1. Казань, 1915, стр. 139.

выделения Хо-Орлок из Ойратского союза, и указывает „Историю Калмыцких ханов“⁵⁾ где читаем: „Когда Джунгарские Ойраты во время смут убивали друг друга, Торгоутский тайша Хо-Орлок, не желая расстроить своих подвластных, откочевал далее к народам чуждого происхождения (племенам-тюркским), которые он и завоевал“⁶⁾. Выделившись из союза, Торгоутский вождь стал действовать на свой страх и риск, а не во имя каких либо обще-Ойратских интересов, тем более завоевательных. Таких интересов у Ойратов не было. Своим поступком Хо-Орлок разряжал сгустившуюся атмосферу взаимного недовольства среди Ойратов и создавал для них условия лучшего, более приемлемого существования на новых кочевьях. Это было понято Ойратами, и вот почему выплывшие из союза вожди не порвали окончательно связей с союзом. Наоборот, эти связи сохранились и были настолько прочны, что спустя двадцать с лишним лет по выходе из союза, Хо-Орлок и прочие калмыцкие тайши съезжаются на обще-Ойратский сейм в Монголию в 1640 году из своих мест издавелека, для выработки обще-Ойратских законов (Цааджин-Бичик)⁷⁾.

Откочевав к северу от Джунгарии и подчинив себе народы чуждого происхождения, какими являлись татарские племена, занимавшие в то время места к югу от верховьев Тобола⁸⁾, Хо-Орлок предпринимает дальнейшее движение от границ Западной Сибири к берегам Волги, как к конечной цели своего похода.

„В году шестой мории (т. е. в 1618 году) он послал добрых людей посмотреть берега Каспийского моря“ рассказывается в „Истории Калмыцких ханов“. „Заподлинно узнав, что там земли никем не заняты, он ввел подвластных своих Торгоутов, также Хошеутов и Дербетов, всего 50 000 дымов или кибиток и, сопровождаемый шестью сыновьями своими, в году шо-

5) „История Калмыцких ханов“ написана на Монгольском языке, но неизвестно, где, когда и кем она составлена. В 1845 году с нее был сделан перевод на Калмыцкий язык, вероятно, для владельца Хошеутовского улуса, нойона Тюмени, в библиотеке которого пользовался «Историей» переводчик ее на русский язык Г. Лыткин, издавший свой перевод в «Астраханских Губернских Ведомостях» за 1860 год.

6) «Астраханские Губернские Ведомости» за 1860 год, ч. неоффиц., № 19, стр. 123.

7) Изложенное мнение в первый раз было высказано проф. А. М. Позднеевым, см. цит. ст. стр. 142—146.

8) Проф. А. М. Позднеев—цит. ст., стр. 145.

рой лу (т. е. в 1628 году) оставил свой Нутук (место кочевья) в Джунгарии и двинулся на запад^а. Таким образом, если в 1618 году Хо-Орлок еще не окончательно расстался с Джунгарией, но и продвинувшись к северу, продолжая пастись главной базой Нутук, исконное место своего кочевья, то в 1628 году он совершенно покинул родной Нутук, будучи захвачен мечтой о свободе и привольи, которых искал в далеком краю. Настроение Хо-Орлока было определенное, и следующий случай 1628 года исчерпывающе характеризует его. В этом году Тобольский воевода Годунов, получивши известие о перекочевании калмыков к северным Тобола, задумал привлечь калмыков на сторону России и для переговоров об этом послал в калмыцкие улусы боярского сына Дмитрия Черкасова. Но едва Черкасов прибыл в кочевье первого калмыцкого тайши и сделал свои предложения, как калмыки тотчас же восстали против него и едва не избили все посольство; сам Черкасов остался жив, благодаря только заступничеству другого калмыцкого тайши — Сенкула^б). „Не доходя до реки Урала (Зай — от татарского Чжайак, у нас Яик), он (Хо-Орлок) покорил Ембүлуковских (Цаймбүлук) татар, кочевавших при реке Ембе“, — продолжает рассказывать „История“; „перешедши реку Урал, подчинил своей власти татарские поколения: Вагай, Хаттай-Хабчик (Кипчак), Джитесан (Юдисан) и в году темур-мюрин (1630 год) прибыл берегам Волги“. В „Сказаниях о Дербен Ойратах“, составленном Эчип-Гапан-Шарабом в 1737 году, говорится, что окончательное утверждение калмыков на берегах Волги последовало в 1632 году. — тогда ставка Дайчина, старшего сына Хо-Орлока, расположилась при реке Волге, и дальше калмыки уже не пошли^в). „Тогда никто не мог препятствовать ему (Хо-Орлоку) там утвердиться, потому что кроме слабых татар не было; русских городов было тоже мало, между тем эта дальняя страна, изобильная травою, для Обрагов была как нельзя удобнее для кочевания. Таким образом, Хо-Орлок от Урала до Волги, от Астрахани до Самары (Самур) расположил своих подвластных на до тоинные кочевья. Хотя эта страна и принадлежала Цаган-Хату (белому парю), но Хо-Орлок, несмотря на дружественные сношения, овладел этою страной, которая ему припала, но доводя о том до сведения ца-

^а) Этот случай приводится у Фишера, в его „Sibirische Geschichte“ стр. 318; см. проф. А. М. Позднеева цит. ст., стр. 46.

^б) Г. Лыткин — „История калмыцких ханов“, цит. примеч. 2.

ря и не подчиняясь ему¹¹⁾. Очевидно, поводов для серьезного столкновения между русскими и калмыками еще не возникало. Они, в общем, мирно уживались друг с другом на обширной территории тогдашней русской окраины. До поездки Хо-Орлока в Монголию на Ойратский сейм. 1640 года между русскими и калмыками происходили боевые стычки мелкого характера, объясняемые главным образом тем, что русским приходилось тогда вступаться за татар и защищать их от нападения калмыцких шаек, как это было в 1634 и 1635 годах. К 1639 году относится первый случай серьезного столкновения русских с калмыками. В этом году калмыки в числе 10 тысяч нападают на Самару, которая подвергается при этом большой опасности.¹²⁾

Ойратский сейм (Курултай) 1640 года имеет большое значение в жизни монгольских племен. На этот сейм собрались отовсюду, и с востока, и с запада, предводители монголов. Здесь были: Хо-Орлок с Волги, Гунги-хан из Тэнгута, Түшету из Халхаса и другие вожди восточных монголов. Инициатива сейма принадлежала Чоросекому Батур-хунг-тайше, унаследовавшему власть от своего отца, Хара-Хулы. Ойратский сейм 1640 года „можно рассматривать“, пишет один из новейших исследователей истории и быта калмыцкого народа, „как сейм единения восточной и западной Монголии, сейм выработки общих законодательных установлений для руководства управлением и монголов. Здесь, когда вся Монголия дружно объединилась в одну воодушевленную семью, действительно могли быть речи о завоевании новых земель и восстановлении монархии Чингиз-хана, о чем, косвенно, может свидетельствовать и деятельность Хо-Орлока, который, вернувшись с сейма, прежде всего начал расширять пределы своих владений, подчиняя своей власти вблизи кочевавшие различные мелкие племена и делая попытки овладеть русским городом Астраханью¹³⁾. Вышеупомянутый Габан-Шараб, составитель „Сказания о Дербен Ойратах“, говорит, что после сейма 1640 года Хо-Орлок и его сыновья, думая о клятве, взаимно данной в 1640 году Дербен-Ойратами, далее располагали возвратиться к своим Ойратам.¹⁴⁾

11) Там-же стр. 124.

12) *Перетяжкович*—„Поволжье в XVIII в. Одесса 1882“, стр. 128; см. проф.-архив. *Гурий*—цит. исслед., стр. 168.

13) Проф.-архив. *Гурий*—цит. исслед. стр. 139—140.

14) *Е. Лыткин*—„История Калмыцких ханов“, цит. изд., № 26, ч. неофиц., стр. 175, примеч. 6.

Мы не знаем, случилось ли бы это, так как при нападении на Астрахань в 1645 году, когда калмыки в войска понесли крупное поражение, Хо-Орлок вместе с другими родственниками был убит под стенами осажденного города. Но во всяком случае несомненно, что Ойратский союз сильно поднял национальное чувство уйгуров и вызвал в калмыках то осознание единства крови с прочими монгольскими племенами, которое в истории калмыцкого народа проявляется такими фактами, как стремление у калмыцких ханов заключать брачные союзы предпочтительно с Джунгарскими владетельными фамилиями¹⁵⁾, частые путешествия калмыков в Джунгарию и в сглаженный Тибет, где претенденты на ханство искали санкции своих владетельских прав,¹⁶⁾ переезд владетельцев с значительным числом кибиток в Астраханский край к калмыкам, когда гнет китайских властей становился нестерпимым,¹⁷⁾ и особенно ярко выражаются в уходе калмыков в Джунгарию в 1771 году, под влиянием слухов, что свобода и независимость калмыков грозит опасность со стороны России, и в надежде, что на Дальнем Востоке, под властью Китая, они найдут себе лучшую долю.

II.

Монголо-Ойратский устав высканий 1640 года.

Съезд Ойратских вождей, на котором присутствовал и Хо-Орлок с сыновьями, ознаменовался, между прочим, утверждением законов, или Устава высканий—Цааджин-Яичик, принятых в целях „установить“, как говорит один из исследователей калмыцкого права, „мирный порядок внутри Ойратских племен, нарушаемый бывшими раздорами и поурядицами, обес-

15) Пунцук, внук Хо-Орлока, женится в 1640 году на дочери Батур-Хунг тайши; Аюка, Калмыцкий хан, сын Пунцука, в 1688 году выдает свою дочь Сетер-Джану за Цеваи и Раптана, Дарма Бале и пр.

16) В 1698 году племянник Аюки Рабжур едет с матерью в Тибет на поклонение Далай-ламе; в 1713 году Аюка принимает ханскую печать от Далай-ламы и передает ее своему сыну Чакдоржалу; в том-же году Джал супруга Чакдоржапа отправляется на богомолье в Тибет; в 1773 году хан Дондог-Омбо хлопочет перед Далай-ламой об утверждении сына наследником Калмыцкого ханства и пр.

17) В 1670 году к Астраханским калмыкам переходит из Джунгарии тетка Аюки, Дорджи Ролтан, с 3 тысячами кибиток. В 1673 году к тем же калмыкам приходит Солом Церен, Дорботский тайша с 4 тысячами кибиток. В 1686 году на Ахтубу переселяются черные калмыки и т. д.

печать внешнюю безопасностью взаимным образом действия, определять отношение князей и чиновных лиц к подвластным и придать распространяемому тогда среди них учению желтошапочников¹⁸⁾, в лице его представителей, законную санкцию господствующей религии".¹⁹⁾ Идея составления Устава възысканий принадлежит Чоросскому вождю Батур-Хунг-тайше, который подготовил к сойму и самый кодекс законов, так что к нему оставалось добавить лишь статьи, имеющие политическое значение для Монголо-Ойратов и нуждающиеся в выработке их на самом сойме. Законы 1640 года сохранились до наших дней в оригинальном тексте.²⁰⁾ хотя и по более поздним спискам, а также в немецком²¹⁾ и в русском переводах²²⁾. Список с калмыцкого оригинала, сделанный в 1819 году нойоном Хошеутовского улуса Батур-Убаши Тюменем, имеет кроме законов 1640 года дополнение к ним в виде указов Галдана-Хунг-тайши, сына Батур-Хунг тайши, преемственно от отца правившего Джунгарией с 1677 по 1697 год, и разделен на 121 статью.²³⁾

18) Желтошапочниками назывались последователями Зункавы, реформатора буддизма, с XV века; с тех пор буддизм принял форму ламанства.

19) Проф. К. Ф. Голстунский — Монголо-Ойратские законы 1640 г. дополнительные указы Галдан-Хун-тайши и законы, составленные для олжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. Спб. 1880; стр. 7—8 (предисловие).

20) Издан проф. К. Ф. Голстунским — цит. исслед., стр. 1 и дал.

21) См. акад. П. С. Галласа — *Sammlung historischen Nachrichten über Mongolischen Völkerschaften*. SPB. 1776, the 1st, s. 194—208.

22) Наиболее старым из русских переводов Монголо-Ойратского устава възысканий является перевод, изданный в 1776 году в „Опытах. Трудов Вольного Российского Общества при Московском Университете“, ч. III, под заглавием: „Перевод с прав Мунгальских и Калмыцких народов“. Второе русское издание Ойратских законов последовало в 1828 году в „Северном Архиве“. № 2 и 3, и в „Сыне Отечества“ за тот же год, кн. I и III. В 1879 году проф. Ф. И. Леонтович издал новый русский перевод Ойратских законов по списку Бентковского: см. *его* — «История права Русских народов». Древний Монголо-Калмыцкий или Ойратский Устав възысканий (Цэнджин Бичиг). Одесса. 1879», стр. 67 и дал. Проф. К. Ф. Голстунский, в цит. исслед., дает соответственный перевод Устава възысканий по оригинальному калмыцкому тексту; см. стр. 35 и дал.

23) Проф. Ф. И. Леонтович — цит. исслед., стр. 18. Проф. К. Ф. Голстунский — цит. исслед., стр. 5. В распоряжении Голстунского был и список Тюменя, но в издание вошел не этот список, а другой, доставленный Голстунскому б. Главным попечителем калмыцкого народа К. И. Костенковым, который употребил несколько лет на разыскивание по калмыцким улусам подлинного текста закона 1640 года и одно время считая уже

Рассматривая Ойратские законы 1640 года, нельзя не признать, что определяемый ими быт носит все признаки, присущие патриархально-родовой жизни народов кочевого типа. Здесь со всею силою заявляют о себе принципы родовой иерархии и подчинения, а также теократической силы и могущества жречества; здесь как-бы подчеркиваются и подвигаются на видное место интересы родовой солидарности и самообороны, с развивающимся на этой почве хищничества военно-дружинным устройством племени; здесь, наконец, мы постоянно сталкиваемся с примитивными, хищническими же порядками и обычаями экономического и социального быта. В Ойратских законах, пишет проф. *Ф. И. Леонтович*, «формулированы институты глубочайшей древности: месть и материальные компенсации, коллективная ответственность улусов и родов по убийству и другим преступлениям, институт древнего потока в форме „разжорелли“ и грабежа; целый ряд своеобразных правил семейного быта, на которых основаны такие институты, как покупка невесты или пензура ее целомудрия, также установление обязательных браков в видах поддержания рода и усиления его военной силы путем наращения новых поколений; не менее древни институты судебные, законы: поклен и институт обвинителей, свод, гонение следа и т. п.; институт военно-дружинного строя, в особенности подробно регламентированные правила о военной добыче, охоте и девициях, кочевании, предпринятиях против общего врага и т. д. Все это ртеует перед нами такой примитивный строй жизни, который другими народами переносился и модифицировался еще в доисторические эпохи. Об общественных порядках и институтах, развивающихся на почве условий и интересов соседно-общинной культуры, нет и помину в нашем уставе; это — представитель исключительно дельной, но бедной культуры. Если сравнить Монголо-Ойратский Устав с нашей Русской Правдой XI—XII веков, то окажется, что Русская Правда опережает Устав восточный на много веков и является в результате более старой и более сложной культурой. Примитивные формы патриархально-родовой жизни, с какими мы здесь де-

калмыцкий текст безнадежно погибшим; см. *К. И. Костенкова* — „Исторические и статистические сведения о калмыках. СПб. 1870“, стр. 27—28. Основываясь на словах Костенкова, и проф. *Ф. И. Леонтович* писал в 1879 году: „Монгольский подлинник устава 1640 года доселе не отыскал. — быть может, утрачен навсегда“; цит. послед., стр. 184.